

АЗІАТСКІЙ СБОРНИКЪ

Изъ Извѣстій Россійской Академіи Наукъ

Новая серія

1918

MÉLANGES ASIATIQUES

tirés

du Bulletin de l'Académie des Sciences de Russie

Nouvelle Série

ПЕТРОГРАДЪ

PETROGRAD

Историческіе и географическіе труды
В. П. Васильева.

В. В. Бартольда.

(Рѣчь, произнесенная въ публичномъ засѣданіи Россійской Академіи Наукъ ^{5 марта} _{20 февраля} 1918 г.).

Геніальный изслѣдователь Дальняго Востока, память котораго мы сегодня чувствуемъ, придавалъ своимъ трудамъ по исторіи Китая такое же значеніе, какъ трудамъ по изученію буддизма; «иначе (подразумѣвается: чѣмъ прежніе ученые) я взглянулъ на буддизмъ, иначе на исторію Китая», говорится въ его автобіографіи. Въ области изученія буддизма сдѣланное Василіемъ Павловичемъ, какъ только что было выяснено, составляетъ только небольшую часть задуманнаго, все же среди этихъ работъ имѣется классическій трудъ, занимающій вполне опредѣленное мѣсто въ исторіи науки. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго о работахъ по исторіи Китая. Лекціи, читавшіяся Василіемъ Павловичемъ много лѣтъ въ университетѣ, не были обработаны для печати и не получили распространенія хотя бы въ видѣ литографированныхъ курсовъ. Его спеціальныя монографіи историческаго и географическаго содержанія, какъ ббольшая часть историческихъ трудовъ русскихъ и западныхъ синологовъ, посвящены не исторіи собственнаго Китая, но исторіи жившихъ по сосѣдству съ Китаемъ инородцевъ и вышедшихъ изъ ихъ среды династій.

Взгляды Василія Павловича на историческія судьбы китайскаго народа извѣстны намъ отчасти по его литографированному курсу о китайской литературѣ и китайскихъ религіяхъ, но больше всего по его популярнымъ статьямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя тотчасъ послѣ его смерти, въ 1900 г.,

были соединены въ сборникъ, изданный «Вѣстникомъ всемірной исторіи»¹ и въ 1909 г. вышедшій въ нѣмецкомъ переводѣ, съ примѣчаніями нѣмецкаго профессора-синалога А. Congady².

Своимъ пониманіемъ требованій науки и въ особенности своимъ исключительно широкимъ для того времени міросозерцаніемъ Василій Павловичъ, по его собственнымъ словамъ, былъ обязанъ своему учителю О. М. Ковалевскому. Еще не оцѣнено по достоинству вліяніе, оказанное на русскую культуру закрытымъ въ 1832 г. польскимъ виленскимъ университетомъ, гдѣ кромѣ польскихъ профессоровъ читали лекціи нѣмецкіе, какъ Гроддекъ. Виленскій университетъ, насколько извѣстно, не привлекалъ къ себѣ, какъ нѣмецкіе, студентовъ изъ русскихъ; но его польскіе воспитанники, работавшіе потомъ въ Россіи, несомнѣнно содѣйствовали успѣхамъ русской культуры, что ярче всего, можегь быть, выразилось въ судьбахъ русскаго ориентализма. Лекціямъ Лелевеля и Гроддека былъ обязанъ своимъ широкимъ міросозерцаніемъ арабистъ Сенковскій, родоначальникъ петербургской школы ориенталистовъ, авторъ совершенно исключительнаго, по широтѣ положенныхъ въ его основу идей, проекта образованія «полнаго класса восточныхъ языковъ», представленнаго въ 1829 г.³ Ученикъ тѣхъ же профессоровъ О. М. Ковалевскій⁴, сдѣлавшійся ориенталистомъ по неволѣ, когда за принадлежность къ тайному обществу былъ удаленъ изъ Вильны и командированъ въ Казань для изученія восточныхъ языковъ, примѣнилъ тѣ же идеи къ изученію культуры Дальняго Востока и сумѣлъ внушить ихъ даровитѣйшему изъ своихъ учениковъ.

Еще во время пребыванія въ Пекинѣ Василій Павловичъ издалъ большую карту Китая на китайскомъ языкѣ, впоследствии переданную имъ въ петербургскій университетъ, и составилъ историческія карты Китая при 12 послѣдовательныхъ династіяхъ⁵; послѣдняя работа, насколько мнѣ извѣстно, осталась неизданной. По мнѣнію Василя Павловича, «для того, чтобы

¹ В. П. Васильевъ. Открытіе Китая и другія статьи. Спб. 1900.

² W. P. Wassiljew. Die Erschliessung Chinas. Kulturhistorische und wirtschaftspolitische Aufsätze zur Geschichte Ostasiens. Deutsche Bearbeitung von Dr. R. Stübe. Mit Beiträgen von Prof. Dr. A. Congady. Lpz. 1909. Ср. рецензію А. Иванова на русское и нѣмецкое изданія въ ЗВО. XIX, 0209 сл. и рецензію М. Hartmann на нѣмецкое изданіе въ ZDMG LXVI (1912), 506 f.

³ Напечатанъ въ Матеріалахъ для исторіи фак. Вост. яз., I, 96 сл.

⁴ О немъ Матер. для ист. фак. Вост. яз., IV, 30 сл.

⁵ Такъ по автобиографіи въ словарѣ Венгерова.

историческія данныя были точны и понятны, нужно прежде всего разработать географію страны, сперва новую, потомъ древнюю»¹. Методологическій принципъ, выраженный въ послѣднихъ словахъ и сводящійся къ требованію восходить отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному, примѣнялся имъ и въ историческихъ трудахъ; хорошо знакомая ему современная жизнь Китая чаще давала ему ключъ къ объясненію прошлаго, чѣмъ наоборотъ. Василій Павловичъ понималъ, что безъ современной географіи нельзя знать историческую, безъ исторической географіи нельзя знать исторію; но онъ понималъ также сложность причинъ, которыми опредѣляется ходъ исторической жизни, и рѣшительно возставалъ противъ попытокъ объяснять всё явленія этой жизни изъ географическихъ и этнографическихъ данныхъ². Мнѣніе, высказанное въ примѣчаніи къ одной изъ статей Василя Павловича профессоромъ А. Conrady³ и вызвавшее отпоръ со стороны нѣмецкаго рецензента — *dass die Geschichte von der Geographie gemacht wird* — было бы столь же рѣшительно отвергнуто самимъ Василю Павловичемъ.

Свои первые впечатлѣнія отъ китайской жизни Василій Павловичъ впоследствии⁴ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я видѣлъ передъ собой страну богатую, съ многочисленнымъ, трудолюбивымъ, способнымъ населеніемъ и между тѣмъ погруженную въ классическую дребедень, которая хуже невѣжества, потому что искажена». Послѣднія слова показываютъ, что отзывъ о «классической дребедени» относится не столько къ содержанію китайскихъ классиковъ, сколько къ тому употребленію, которое было изъ нихъ сдѣлано. Мы знаемъ изъ «Очерка исторіи китайской литературы» Василя Павловича⁵, что въ началѣ сравнительная сухость и скудость идей конфуціанства оттолкнула Василя Павловича отъ болѣе подробнаго изученія его памятниковъ, къ которому онъ обратился уже послѣ начала своей преподавательской дѣятельности. Впоследствии онъ признавалъ достоинства теоретическихъ положеній, составляющихъ основу китайской культуры, но продолжалъ полагать, что лучшія книги становятся вредными, когда изъ предмета изученія обращаются въ предметъ культа и слѣпного преклоненія, лучшія теоріи могутъ губительно отозваться на жизни народа, когда общество

¹ Записки о Нингуть (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ., XII, 79).

² Три вопроса (СПб. 1878), стр. 38.

³ Die Erschliessung Chinas, 236.

⁴ Въ автобіографіи.

⁵ Очеркъ исторіи кит. литер. (изъ «Всеобщей литературы» Корша и Киричничкова), 4.

подъ ихъ вліяніемъ «носится въ заоблачныхъ пространствахъ и не желаетъ спуститься на землю, чтобъ осмотрѣться съ дѣйствительными потребностями», когда оно увлекается отвлеченными теоріями, забывая, «что у него есть народъ, къ которому заявляютъ требованія другіе народы»¹.

Еще въ 1859 г., по поводу «открытія Китая» договорами 1858 г. для европейской торговли, Васиіемъ Павловичемъ былъ высказанъ замѣчательный въ то время взглядъ, къ которому онъ потомъ возвращался нѣсколько разъ, что страны Передней Азіи въ культурномъ отношеніи составляютъ одно цѣлое со странами такъ называемаго «Запада» и что настоящимъ «Востокомъ» является только Дальній Востокъ, т. е. «нынѣшнія китайскія владѣнія съ югомъ въ Индіи и сѣверомъ въ Сибирь». Открытіе этого Востока для европейской культуры, совпавшее по времени съ проведеніемъ электрическаго кабеля по дну Атлантическаго океана, казалось Васиію Павловичу началомъ «новой исторіи», т. е. новой эпохи въ исторіи земного шара². Мнѣніе Васиіа Павловича въ настоящее время можетъ считаться общепринятымъ; въ послѣднемъ по времени трудѣ по всемірной исторіи, въ «Weltgeschichte seit der Völkerwanderung» Линднера, конецъ 50-хъ годовъ также признается началомъ новой міровой эпохи, neue Weltzeit³, причемъ кромѣ фактовъ, отмѣченныхъ Васиіемъ Павловичемъ, приняты во вниманіе также событія западно-европейской исторіи — война за освобожденіе Италіи и повсемѣстныя либеральныя реформы.

Васиію Павловичу въ то время казалось, что до половины XIX вѣка Востокъ и Западъ жили каждый своей особенной жизнью; только въ немногихъ случаяхъ событія, происходившія на Востокѣ, оказывали вліяніе на жизнь Запада; такими событіями были вызваны великое переселеніе народовъ и монгольскія завоеванія; только въ XIX в. Западъ «начинаетъ платить визиты Востоку». Несмотря на предложенное имъ употребленіе термина «Западъ», Васиіій Павловичъ оставался и впослѣдствіи подъ вліяніемъ односторонняго отождествленія «Запада» съ Европой. Ему казалось, что пустыни, населенныя только кочевниками, отдѣляютъ «міръ классическій Запада (Европу)» отъ «классическаго міра Востока (Китай и Индіи)»⁴, и такое представленіе, невѣрное и для настоящаго времени, переносилось имъ

¹ Китайскій прогрессъ (Спб. 1883), стр. 10. Die Erschliessung Chinas, 36.

² Открытіе Китая (отд. отд.), стр. 3 сл. Die Erschliessung Chinas, 51 f.

³ Заключительныя слова 8-го тома (Stuttg. und Berlin 1914).

⁴ Три вопроса, стр. 63.

въ прошлое, не безъ вліянія китайскаго взгляда на отношеніе всѣхъ безъ различія «инородцевъ» къ китайской имперіи. Открытіе западнаго края во II в. до Рождества Христова было и для Василя Павловича, какъ для китайцевъ, «подчиненіемъ Китаю всей Средней Азіи до Бактріаны»¹; даже сасанидская Персія была въ его глазахъ только «дружественной и вассальной державой танской династіи»².

Еще труднѣе синологамъ признать, что и ближайшіе сосѣди Китая, народы средней и сѣверной Азіи, исторію которыхъ мы до послѣднихъ десятилѣтій знали исключительно по китайскимъ источникамъ, не находились подъ вліяніемъ одной только китайской культуры. Въ своихъ специальныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ географіи и исторіи средне-азиатскихъ странъ, Василю Павловичу рѣдко приходилось касаться этого вопроса; эти работы частью вызывались непосредственными потребностями даннаго момента, частью имѣли цѣлью пополнить явный пробѣлъ въ русской наукѣ. Къ первой категоріи относятся самыя раннія изъ печатныхъ работъ Василя Павловича, статьи о Средней Азіи, о Манджуріи и бассейнахъ Амура, составленныя по китайскимъ оффиціальнымъ источникамъ и печатавшіяся главнымъ образомъ въ изданіяхъ Географическаго Общества 50-хъ годовъ, когда на очередь былъ поставленъ вопросъ о присоединеніи Амурскаго края къ Россіи. Переведенная Василемъ Павловичемъ еще въ Пекинѣ съ тибетскаго «Географія Тибета» вышла въ свѣтъ только въ 1895 г., когда этотъ трудъ уже не могъ имѣть того значенія, какое имѣлъ бы, если бы вышелъ полвѣкомъ раньше³. Исключеніе представляетъ первая по времени печатная статья Василя Павловича «Центральная Азія и главные хребты горъ въ китайскихъ владѣніяхъ», появившаяся въ 1852 г.⁴ Въ этой небольшой по объему, но капитальной статьѣ дано опредѣленіе Центральной Азіи, какъ «страны спертыхъ водъ, окруженной со всѣхъ сторонъ системами рѣкъ и озеръ, доходящими до океановъ». Даже въ русской научной литературѣ⁵ приоритетъ такого опредѣленія приписывается Рихтхофену; что русскимъ ученымъ было дано такое же опредѣленіе за 25 лѣтъ до появленія труда Рихтхофена, до сихъ поръ не было отмѣчено. Среди историческихъ моно-

¹ Религии Востока (Спб. 1873), стр. 74.

² О движеніи магометанства въ Китаѣ (Спб. 1867), стр. 10 сл. Die Erschliessung Chinas, 88.

³ Ср. рецензію С. О. Ольденбурга въ ЗВО. X, 202.

⁴ ЖМНП., ч. 73 (1852), отд. II, стр. 117—132.

⁵ П. В. Мушкетовъ, Туркестанъ, изд. I (1886), стр. 5, также изд. II (1915).

графій самая обширная, вышедшая еще въ 1857 г.¹ подъ заглавіемъ: «Исторія и древности восточной части Средней Азіи отъ X до XIII вѣка», тѣсно при-
мыкаеть, по словамъ самого Василя Павловича, къ трудамъ о. Іакинѣа
Бичурина. Переводные труды о. Іакинѣа обнимали исторію средне-азиат-
скихъ народностей до эпохи Танской династіи включительно и исторію первыхъ
монгольскихъ хановъ; оставался пробѣлъ для исторіи періода отъ X до XII
вѣковъ; пополненіе этого пробѣла и имѣлъ дѣлю трудъ Василя Павловича.
Болѣе интересна въ методологическомъ отношеніи докторская диссертація
Василя Павловича — «Свѣдѣнія о маньчжурахъ во времена династій Юань и
Минъ», гдѣ отчетливо поставленъ вопросъ о критическомъ отношеніи къ
китайской официальной исторіи. Но и въ этомъ трудѣ, какъ въ другихъ
своихъ сочиненіяхъ², Василій Павловичъ принимаетъ на вѣру слова китай-
скихъ ученыхъ, объяснявшихъ изъ китайскаго языка монгольскія и другія
народныя названія и титулы. Отношеніе средне-азиатскихъ языковъ къ ки-
тайскому не могло быть вполне ясно Василю Павловичу, вслѣдствіе отсут-
ствія лингвистической методологіи; уже имъ было начато то сопоставленіе
китайскихъ корней съ индо-европейскими³, которое потомъ довелъ до край-
ности его ученикъ С. М. Георгіевскій⁴. Кромѣ того Василій Павловичъ,
какъ его сверстникъ, туркологъ И. Н. Березинъ, оставался на почвѣ
«*Recherches sur les langues tartares*» Абель-Ремюза (1820) и продолжалъ
объяснять изъ китайскаго языка турецкія грамматическія окончанія⁵. На-
конецъ онъ предполагалъ непосредственное участіе китаецевъ, будто бы въ
большомъ количествѣ переселявшихся въ степь, въ движеніяхъ кочевыхъ
народовъ⁶. При такихъ условіяхъ естественно, что вліяніе Китая на жизнь
среднеазиатцевъ въ трудахъ Василя Павловича нѣсколько преувеличивалось.
Василій Павловичъ, конечно, зналъ, что среднеазиатскіе народы кромѣ вліянія
китаецевъ подвергались также вліянію западной культуры, особенно запад-

¹ Труды Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., ч. IV.

² Ср. напр. статью въ ЗВО. IV, 379.

³ Очеркъ исторіи кит. литер., 11 сл. Уже въ статьѣ 1852 г. о Центральной Азіи при названіи «Небесныхъ горъ» Цилянъ-шань авторъ ставитъ въ скобкахъ, съ вопросительнымъ знакомъ, латинское соеішм (ЖМНП., ч. 73, отд. II, стр. 130).

⁴ Ср. его докторскую диссертацію «Анализъ іероглифической письменности китаецевъ, какъ отражающей въ себѣ исторію жизни древняго китайскаго народа» (1888) и рецензію А. О. Ивановскаго въ ЗВО. III, 279 сл.

⁵ См. особенно статью «Объ отношеніяхъ китайскаго языка къ средне-азиатскимъ» (оттискъ изъ ЖМНП., ч. CLXIII, 1872, отд. II, стр. 82—124).

⁶ Кит. прогрессъ, 5. Die Erschliessung China, 30.

ныхъ религій; тѣмъ не менѣе даже «уйгурская ученость» была въ его глазахъ «не болѣе, какъ усвоеніемъ китайскаго образованія»¹.

Вопросъ объ отношеніи культуры самого Китая къ культурамъ Запада всегда интересовалъ Василія Павловича, но не могъ быть имъ вполне выясненъ. Преданія о древности культуръ индійской и китайской имъ рѣшительно отвергались, причемъ онъ исходилъ изъ положенія, которое считалъ несомнѣннымъ, что безъ письменности не можетъ быть и исторія². Столь же рѣшительно имъ впоследствии ставился вопросъ: «Когда это видано, чтобы какая-нибудь религія, или даже хоть кто-нибудь изъ принадлежащихъ къ религіи, умалялъ ея древность?»³ Василія Павловича этотъ доводъ приводилъ къ отрицательной оцѣнкѣ буддійскихъ преданій; изслѣдователей религіи Заратуштры тотъ же доводъ заставлялъ принимать на вѣру хронологію парсовъ, несмотря на ея позднее происхожденіе и явную искусственность. Происхожденіе китайской письменности Василій Павловичъ, какъ и многіе до него, былъ склоненъ объяснять вліяніемъ Запада, именно Египта (существованіе въ Передней Азіи столь же древней письменности, какъ египетская, въ то время еще не было установлено)⁴, но не дѣлалъ попытокъ подробно обосновать свой взглядъ; его крайній скептицизмъ заставлялъ его сомнѣваться даже въ древности египетскихъ памятниковъ⁵. Василій Павловичъ признавалъ, что въ историческое время Китай не всегда былъ закрытъ для иностраннаго вліянія, хотя его замѣчанія по этому вопросу несвободны отъ противорѣчій. Въ статьѣ о китайскомъ прогрессѣ говорится, что «предшествовавшая маньчжурамъ туземная династія» (т. е. Минская) «не выказывала такого игнорированія европейскихъ усовершенствованій, не была такъ недоступна иностранцамъ»⁶; въ статьѣ о движеніи магометанства въ Китаѣ, наоборотъ, именно Минская династія обвиняется въ томъ, что «поставила себя во враждебныя отношенія ко всѣмъ сосѣдямъ, желая отдѣлиться отъ остальнаго міра»⁷. Нѣкоторые другія неясности, противорѣчія и парадоксы во взглядахъ Василія

¹ О движеніи магометанства въ Китаѣ, 15. Die Erschliessung Chinas, 93.

² Религіи Востока, 18.

³ ЗИАН. LV (1887), 127.

⁴ Очеркъ ист. кит. литер., 14 сл. Ср. также Религіи Вост., 10 сл.: «Не на западѣ ли Китайцы познакомились впервые съ алфавитомъ и стали, съ помощію его, глубже вѣматриваться въ свой языкъ».

⁵ Очеркъ ист. кит. литер., 25.

⁶ Кит. прогрессъ, 6. Die Erschliessung Chinas, 31.

⁷ О движеніи магомет., 17. Die Erschliessung Chinas, 96.

Павловича на отношенія между Западомъ и Востокомъ объясняются тѣмъ, что онъ, подобно большинству ориенталистовъ, преувеличивалъ значеніе религіи въ жизни народовъ вообще и азіатскихъ народовъ въ особенности. Василій Павловичъ правильно отмѣтилъ активную роль Запада и пассивную роль Востока, т. е. Индіи и Китая, въ сношеніяхъ между обоими культурными мірами, указалъ даже на основную, чисто-матеріальную причину этого явленія: «Индіи и Китаю не находятся по дарамъ природы въ такой же зависимости отъ другихъ странъ, какъ другія отъ нихъ»¹. Тѣмъ не менѣе онъ старается прослѣдить эти характерныя черты Запада и Востока главнымъ образомъ въ области религіозной пропаганды и ставитъ вопросъ: «Слыхано ли было, чтобы кто-нибудь изъ жителей Запада обращался въ поклонника Конфуція или Будды, Лао-цзы?»². Въ блестящей по основнымъ идеямъ, хотя парадоксальной въ частностяхъ статьѣ о движеніи магометанства въ Китаѣ Василій Павловичъ видитъ преимущество ислама именно въ его западномъ происхожденіи и потому считаетъ мусульманство единственнымъ достойнымъ и опаснымъ соперникомъ европейской культуры въ Китаѣ; «не религіямъ Востока», замѣчаетъ онъ, «выгѣснить жаръ, поселенный въ сердцахъ идеями Запада»³. Въ дѣйствительности исторіей буддизма безусловно опровергается мнѣніе Василя Павловича, что міровое значеніе могутъ имѣть только религіозныя идеи Запада; для спасенія своей теоріи Василій Павловичъ былъ вынужденъ предположить, что буддизмъ возникъ подъ влияніемъ западной культуры, и надѣялся доказать, что Будда жилъ не раньше Александра Македонскаго⁴, хотя въ своемъ литографированномъ курсѣ по исторіи китайской литературы Василій Павловичъ уже отказывается отъ своей теоріи и признаетъ, что основы религіозной жизни были однѣ и тѣ же на Западѣ и на Востокѣ, такъ какъ «въ общечеловѣческой натурѣ лежатъ одинаковыя законы стремленія челоуѣка: національный іудаизмъ выработалъ изъ себя двѣ общечеловѣческія религіи, магометанство и христіанство; точно также на Востокѣ народности не могли довольствоваться однимъ брахманизмомъ и конфуціанствомъ»⁵. Факты исторіи ислама въ Китаѣ, однако, столь же трудно было бы привести въ согласіе съ теоріей Василя Павловича и вообще съ господ-

¹ Религіи Вост., 10.

² Ibid., 11.

³ О движеніи магомет., 24.

⁴ Ibid., 25.

⁵ Матеріалы по ист. кит. литер., прилож. I, исторія буддизма, стр. 7.

ствующимъ до сихъ поръ мнѣніемъ объ исключительной силѣ въ Азіи религиозныхъ идей; для объясненія этихъ фактовъ не только Василій Павловичъ, но и его современный пѣмецкій комментаторъ прибѣгаютъ къ крайне рискованнымъ предположеніямъ. Казалось непонятнымъ, что въ Китаѣ еще въ VIII в. были мусульманскія колоніи, и въ то же время не было въ до-монгольскую эпоху, судя по молчанію источниковъ, никакой пропаганды ислама. Василій Павловичъ полагалъ, что мусульмане въ Танскую эпоху были въ Китаѣ только временными гостями¹; проф. Конрадъ основательно отвергаетъ это мнѣніе², но съ своей стороны тоже считаетъ невозможнымъ присутствіе мусульманъ въ Китаѣ безъ пропаганды ихъ религій, и, очевидно, объясняетъ отсутствіе извѣстій о такой пропагандѣ случайнымъ пробѣломъ въ источникахъ. Всѣ эти рискованныя предположенія о судьбахъ буддизма и ислама становятся излишними, если признать, что и въ Азіи, какъ въ Европѣ, такіе факты, какъ возникновеніе религій, широкая пропаганда религій и приобрѣтеніе политическаго и культурнаго вліянія исповѣдниками опредѣленной религій могли быть явленіями разнаго порядка, возникавшими отъ разныхъ причинъ. Буддизмъ существовалъ до Александра, но сдѣлался міровой религіей только подъ вліяніемъ установившихся для Индіи, благодаря грекамъ, культурныхъ связей; Ашока отправлялъ свои посольства только на западъ, въ государства діадоховъ. Мусульманскіе купцы, захватившіе въ свои руки торговые пути въ Китай на сушѣ и на морѣ, столь же мало думали о религій, какъ представители современной западно-европейской торговли; часто мусульманское духовенство даже говорило о нихъ, какъ о своихъ врагахъ³. Этимъ вполне объясняется, что на китайскомъ языкѣ уже въ VIII в. возникли литературы манихейская и христіанская⁴, тогда какъ мусульманская возникаетъ только въ XVII в., хотя пришлые мусульманскіе элементы навѣрное и въ VIII в. не уступали по численности манихейскимъ и христіанскимъ, хотя въ рукахъ мусульманъ находились въ монгольскую эпоху главныя государственныя должности и хотя еще въ XIV в. мусуль-

¹ О движеніи магомет., 12. Die Erschliessung Chinas, 90.

² Die Erschliessung Chinas, 224 f.

³ Ср. о роли Хабашъ-Амида въ джагатайскомъ государствѣ мой «Очеркъ исторіи Семирѣчья», отд. отд., 46 сл.

⁴ Это выяснено особенно статьями Ed. Chavannes и P. Pelliot въ JA. 10, XVIII и 11, I. Ср. особенно 11, I, 127 и 133 сл.

манами переводились на китайскій языкъ астрологическіе и медицинскіе трактаты¹. Замѣчательнъ самый фактъ появленія въ Китаѣ мусульманской религіозной литературы именно въ ту эпоху, когда представители ислама и вообще азіатскіе народы были вынуждены отказаться въ пользу европейцевъ отъ господства надъ путями міровой торговли.

Василій Павловичъ не сознавалъ, повидимому, этой основной причины того торжества Европы и униженія Азіи, о которыхъ онъ въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ говоритъ въ своей рѣчи о китайскомъ прогрессѣ². Причиной отсталости восточныхъ народовъ была въ его глазахъ система образованія, господствующая на всемъ Востокѣ, Дальнемъ и Ближнемъ, и связанная съ исключительнымъ преобладаніемъ чисто-теоретическихъ, бесполезныхъ для жизни знаній³. Переходя отъ прошлаго и настоящаго къ будущему, Василій Павловичъ не сомнѣвался въ томъ, что эта отсталость — временное историческое явленіе, несвязанное ни съ расовыми свойствами народовъ⁴, ни съ сущностью религіозныхъ ученій, что надъ восточнымъ человѣчествомъ, подъ вліяніемъ приобщенія его къ міровой культурной работѣ, взойдетъ «заря обновляющаго объединенія»⁵. «Просвѣщать Востокъ», по мнѣнію Василя Павловича, было прежде всего «призваніе Россіи»⁶, уже потому, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только для Россіи ея азіатскія владѣнія составляютъ географически одно цѣлое съ коренными областями государства. Василій Павловичъ не сомнѣвался въ томъ, что эта цѣль будетъ достигнута; несмотря на свой крайній скептицизмъ въ научныхъ вопросахъ, онъ сумѣлъ сохранить до преклонныхъ лѣтъ горячую вѣру въ человѣчество, въ свой народъ и въ свои собственныя силы. Для выполненія культурной миссіи Россіи Василій Павловичъ призывалъ русскій народъ къ вестороннему использованию своихъ естественныхъ богатствъ, къ широкимъ реформамъ во всѣхъ областяхъ жизни, особенно въ системѣ образованія, безъ рабскаго подражанія готовымъ образцамъ, безъ «настойчиваго поддержанія однажды принятыхъ взглядовъ»⁷. Василій Павловичъ стоялъ за широкое привлеченіе

¹ Ср. слова арх. Паладія въ Трудахъ Пек. миссіи IV, 446 и въ Трудахъ вост. отд. И. Р. Арх. Общ., XVIII, 185.

² Кит. прогрессъ, 1 сл. Die Erschliessung Chinas, 27.

³ Три вопроса, 125 сл.

⁴ Кит. прогрессъ, 8 о «ложной теоріи, которая распредѣляетъ силу умственныхъ способностей по расамъ». Die Erschliessung Chinas, 34.

⁵ Религіи Востока. 9.

⁶ Ibid., 3.

⁷ Три вопроса, 83.

всѣхъ живыхъ силъ страны, отвергая всякія привилегіи и монополіи¹ и не признавая иной аристократіи, кромѣ аристократіи ума и таланта. Извѣстный девизъ французской революціи онъ замѣнялъ девизомъ: «свобода и справедливость (каждому свое)»². Интересно, что еще въ 1878 г. Василіемъ Павловичемъ была высказана и обоснована мысль, къ которой вернулись въ послѣдніе годы, о замѣнѣ классной системы преподаванія предметной³. И здѣсь, какъ въ научныхъ работахъ Василія Павловича, необходимо отличать широту и глубину основныхъ идей отъ парадоксовъ, противорѣчій и даже отсталыхъ взглядовъ въ частностяхъ.

Горячо вѣря въ свой народъ, Василій Павловичъ не могъ не вѣрить въ конечное торжество того, что казалось ему правдой. Онъ былъ убѣжденъ⁴, что не только «положилъ начало наукѣ по своей специальности», но «въ то-же время указывалъ Россіи ея надлежащій путь», и что то и другое когда нибудь будетъ всѣмъ признано. Съ трогательной заботливостью онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы въ тотъ день было воздано должное и его учителю — О. М. Ковалевскому.

Судьба русской науки въ первые годы послѣ смерти Василіева не оправдала тѣхъ ожиданій, на которыя, казалось бы, давала право продолжительная дѣятельность гениальнаго ученаго. Василій Павловичъ, какъ было отмѣчено послѣ его смерти въ академическомъ некрологѣ⁵, не создалъ школы; его крайній скептицизмъ скорѣе ослаблялъ, чѣмъ усиливалъ рвеніе его учениковъ. Можетъ быть, не безъ вліянія этого скептицизма его непосредственные преемники по кафедрѣ, замѣнившіе его еще при его жизни, впали въ противоположную крайность и не допускали сомнѣнія ни въ подлинности и древности памятниковъ китайской культуры, ни въ достовѣрности китайской официальной исторіографіи. Не мнѣ говорить о будущихъ судьбахъ русской синологіи и о томъ, какое мѣсто въ этихъ судьбахъ займетъ дѣятельность Василія Павловича. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что русская синологія и русская наука вообще, какъ часть общечеловѣческой научной мысли, оправдаютъ слова учителя Василія Павловича О. М. Ковалевскаго⁶: «Безспорно, никакая идея не погпабаетъ въ уместнен-

¹ Ср. заключительныя слова статьи «Открытие Китая». Die Erschliessung Chinas, 79.

² Три вопроса, 48.

³ Ibid., 149.

⁴ См. его автобіографію.

⁵ Напечатанъ въ ЗВО. XIII, 047 сл.

⁶ Рѣчь «О знакомствѣ европейцевъ съ Азіей» (Обозр. препода. Каз. ун-ва. 1837—38 г., стр. 27).

номъ мірѣ; рано или поздно она воскреснетъ среди вражескихъ ударовъ и снова увлечетъ за собою толпу своихъ обожателей». Насколько эти слова, сказанныя о торжествѣ правды въ мірѣ идей, примѣнны къ торжеству правды въ жизни, насколько въ нихъ находятъ утѣшеніе человѣкъ и народъ въ переживаемыхъ испытаніяхъ, этого вопроса я предпочитаю не касаться.
